
ПОСТГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ДИАЛЕКТИКА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ОТРИЦАНИЯ

Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А.*

Трансформации современного глобального мира развиваются асимметрично в различных сферах человеческой жизни. При сохранении нынешнего положения дел сфера социокультурных отношений будет отличаться опережающим развитием, создавая новые форматы не только социального, но и социально-экономического взаимодействия. Данная тенденция усиливается ростом значения информационного общества в качестве интегрирующего инструмента различных сфер глобализации, а также стагнацией социально-экономического базиса глобального развития. Но при определенных условиях может сложиться ситуация, когда форматы социокультурных коммуникаций, а не экономические факторы начнут определять социальные модели, как минимум для значимых общественно вовлеченных групп. Такая ситуация может быть характерна для относительно короткого в историческом плане промежутка времени, но значимого глубиной возможных трансформаций и возможностью изменить не только проявления стратегических тенденций развития, но и системные связи, лежащие в основе основополагающих процессов. Однако в рамках подобных процессов резко возрастает значимость форматов для воплощения новых моделей социокультурного взаимодействия, а также пространств, где будет найдена наиболее актуальная форма практической реализации новых моделей. Это приведет к усилению тенденций в пользу формирования пространственного мира, существенно отличающегося от мира поздней глобализации.

Ключевые слова: глобализация, культура постмодерна, социокультурные коммуникации, социальная универсальность, информационное общество, глобальные трансформации.

THE POST-GLOBAL MODEL OF SOCIAL DEVELOPMENT: DIALECTICS OF CONTINUITY AND NEGATION

The transformations of modern global world proceed asymmetrically in different spheres of human activity. With the of preservation of current global trends,

* Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – к. полит. н., профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. E-mail: devstafiev@hse.ru.

Dmitry G. Evstafiev – Candidate of Political Science, Professor at the Department of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics. E-mail: devstafiev@hse.ru.

Цыганова Любовь Александровна – к. и. н., доцент департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. E-mail: ltsyganova@hse.ru.

Lyubov A. Tsyganova – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Department of Integrated Communications, Higher School of Economics. E-mail: ltsyganova@hse.ru.

the sphere of socio-cultural relations will demonstrate advanced development with creation of the new formats not only for social but rather for socio-economic interaction. This trend is emphasized by the increase in the importance of the information society as the integrating element of different aspects of the globalization and simultaneously by the stagnation of the socio-economic basis of global development. But under some conditions a complicated situation could emerge when the formats rather than economic factors can start to form models of social behavior at least for major socially involved groups. Such situations could emerge for rather short in historical perspective period. But its importance is underlined by the depth of potential transformations that give the opportunity not only to alter the manifestations of the in-depth of the basic trends but also the systemic links the form the basis those trends. But within the framework of such trends the importance of the formats for implementation of the new models of socio-cultural interaction would increase as well as the spaces that will be relevant for practical adaptation of such models. That will lead us to the "special" world much different from the world of the mature globalization.

Keywords: Globalization, postmodern culture, socio-cultural communications, social universality, information society, global transformations.

Введение

Кризис глобализации, как это стало ясно к началу 2021 г., не является классическим кризисом развития, но затрагивает системные основы глобализации, включая и социальную модель развития, становившуюся на этапе поздней глобализации (2009–2019)¹ все более стандартизированной и завязанной на главный драйвер – догоняющее потребление, обеспечивавшееся за счет кредитного роста. Очевидно, что мир стоит перед циклом сравнительно жестких трансформаций, охватывающих все сферы деятельности и человека, и человечества в целом², способных поставить под сомнение синергичность развития всех важнейших систем, оказавшуюся важнейшим структурным достижением глобализации.

Системный социально-экономический кризис, вероятно, в значительно большей степени, нежели пандемические ограничения, будет фактором, влияющим на эволюцию моделей социального поведения. Это связано с долгосрочностью тенденций, инициированных в 2020 г. (хотя значительная их часть является продол-

¹ Авторская периодизация глобализации в этой основывается на двух факторах: с одной стороны, утрате глобализацией динамизма в области догоняющей социальной модернизации 2008–2009 гг. и концентрации на стабилизации финансового сектора, что привело к его неестественному доминированию. Эта составляющая продемонстрировала социальную стагнацию в системе глобализации. С другой стороны, именно после 2009 г. началась интенсивная проработка вариантов структурного реформирования глобализации [Спенс 2013]. Наиболее очевидным результатом этого реформирования стал резкий рост значимости сетевизированных каналов коммуникаций [Болдуин 2018].

² Выводы о том, что нынешний кризис является подлинно системным, а не просто кризисом развития, могут быть найдены и у западных исследователей [Schwab, Malleret 2020; Gallo-way 2020; Delanty 2021], и у российских, представляющих различные идеологические направления – от консерваторов [Проханова и др. 2019] до либералов [Прощай... 2020]. Отметим также фундаментальные выводы относительно структурного характера данного кризиса [Naass 2019].

жением ранее сформировавшихся, но только в существенно более обостренной форме). Вероятно, сердцевиной нынешних процессов является глубокий кризис существовавших в эпоху поздней глобализации моделей социального развития.

Этот кризис носит структурный характер, затрагивая не просто внешние проявления социальной жизни, но и важнейшие структурные элементы институциональной структуры социальной (а в ряде случаев – и социально-политической) системы обществ постмодерна (постиндустриальных и предпостиндустриальных обществ экономически развитых стран). Процессы трансформаций затрагивают и экономическую систему, включая систему взаимозависимости, и структуру социально-экономических отношений (концепция флюидности собственности), и архитектуру внешней политики, не говоря уже о принципах построения политических систем. Информационное общество трансформировалось в системе позднеглобального капитализма из инструмента обеспечения функционирования финансового сектора в инструмент управления развитием финансового сектора, а также в инструмент оперативного управления финансовым сектором.

Эта тенденция отражает рост значения факторов технологической зависимости в развитии социальных отношений, фактически технологизации части сферы потребления, что особенно проявилось в пандемический год, когда доступ к технологиям стал определяющим моментом для способности поддерживать соотносимый с прежним социальный уровень. Но одновременно она свидетельствует и об усилении взаимозависимости социально-экономической и социокультурной составляющей глобализации, что характерно для экономического постиндустриализма и социокультурного постмодерна, когда социально-результативное взаимодействие происходит в условиях постоянного временного сжатия³.

Кризис в своей фундаментально-идеологической основе имеет системное противоречие между постпространственным миром, основой нынешней версии глобализации [Giddens 2003], и тенденцией к пространственной локализации экономических процессов, а в перспективе и моделей социального поведения, включая потребление. Причем постпространственность является базой для сетевизированного варианта структурирования глобального пространства с демонтажом принципов государственного суверенитета [Фукуяма 2017] и попытками строительства геоэкономических макрорегионов на основе пространственного суверенитета и технологической самодостаточности, что возвращает человечество к пространственному пониманию глобальных процессов. Но постпространственный мир предусматривал в качестве своего технологического базиса широкий набор технологий, обеспечивающий мобильность человека, отрыв его от конкретного пространства, как чисто географического, так и социального [Урри 2012].

Социальная сфера всегда рассматривалась в качестве одной из наиболее приоритетных сфер глобализации, обеспечивающей вовлечение значительных масс

³ Об этом феномене писал еще в 1989 г., когда постиндустриальное общество было реальностью для очень ограниченного круга «модельных» стран, часть которых просто была «постиндустриальными анклавами», крупнейший западный социолог Дэвид Харви [2021: 452–453]. Сейчас интегративность существенно усилилась в силу особенностей преобладающих инструментов глобализации в виде цифровой коммуникационной среды, создав феномен несимметричного ускорения времени [Вайсман 2019].

экономически активных людей эту модель развития, как минимум в качестве потребителей, а в идеале – как инвесторов. С этим связан постепенный *сдвиг в период поздней глобализации к существенно большей унификации моделей социальности, особенно – внешних их проявлений (визуализации социальности)*, хотя элементы локализации (глокализации) и диверсификации сохранились. Эта тенденция усиливалась нарастанием доминирования социальных сетей в информационном пространстве [Голубинская 2017].

Но одновременно социальная сфера рассматривалась как источник рисков, связанных с утратой управляемости процессами социальной атомизации [Стэндинг 2014] в условиях естественной социальной и социально-политической деинституционализации [Майр 2019: 87]. Изначально существовало понимание неизбежности трансформации социальных отношений в глобальном мире [Cunha 2020; Schuerkens 2017], не исключая и социокультурный их аспект.

Важность социального развития в XXI в. была во многом связана с тем, что эта сфера становилась все более критичной для реализации потенциала качественного развития современного капитализма в условиях невозможности его пространственного расширения [Валлерстайн 2018: 40–41], особенно в условиях концентрации технологического развития на цифровых технологиях, имеющих выраженное социальное фокусирование. Социальная сфера в эпоху поздней глобализации более чем когда-либо отражала качественное развитие мира глобализации, но также стагнацию важнейших сфер его развития, компенсируя это опережающим темпом своего развития.

Рамочные условия исследования

Методологическая рамка исследования социокультурных процессов мира поздней глобализации определяется сложным сочетанием факторов социального, культурного и технологического развития, в качестве определяющих для нужд данной статьи авторы на первый план поставили вопросы трансформации социального больших систем. Центральные вопросы, касающиеся глобальных и региональных социальных трансформаций, можно сформулировать следующим образом:

- Длительность периода трансформаций, когда на характер социальных отношений оказывает прямое влияние «новая реальность», во многом созданная пандемией коронавируса. Длительность периода трансформаций определит скорость и жесткость нарастания социальных асимметрий в развитии.
- Возможность относительно длительного устойчивого существования неких «переходных» моделей социального развития, сочетающих существенные элементы модели социального развития, характерной для поздней глобализации, и новые элементы, с выраженной региональной (цивилизационной) или этно-религиозной идентичностью. Этот фактор может определить, насколько резкой в постглобальном мире будет цивилизационная поляризация.
- Проблема выявления пространств, где трансформации социокультурной сферы могут носить опережающий характер. Это переводит анализ в сферу изучения локализованных и регионализированных вариантов гибридных социокоммуникационных пространств [Евстафьев 2019]. Они станут первичными фокусными точками проявления новых тенденций. В дальнейшем будет происходить масштабирование новой социальности от естественно «нишевой» (в масшта-

бах специфических социальных или социально-экономических групп) к локальной и далее – к региональной. Новая социальность регионального уровня, особенно подкрепленная экономической базой – геоэкономическими макрорегионами, уже может стать основой для цивилизационного переформатирования современной универсальной социальности.

Это приводит нас к необходимости постановки вопроса о том, насколько сфера социокультурных отношений в современных условиях в принципе может восприниматься и оцениваться как целостная система⁴.

Встает и другой вопрос: в условиях весьма вероятной утраты информационным обществом (то есть результирующей платформой для современных социокультурных процессов) своей пространственной целостности сможет ли сфера социокультурных отношений сохранить свою надпространственность и форматную унифицированность? Как раз в таком случае усиливается запрос на коммуникационную и социокоммуникационную архаику как визуальные «ориентиры» социальной альтернативности, сориентированной под конкретное пространство. Актуализируется проблема – *может ли постглобальная социальность* (даже в формате трансформированной, локализованной глобальной социальности) *стать следствием форматных трансформаций социокультурной среды*, включая и информационное пространство? Прецеденты, связанные с архаизацией ряда территорий Ближнего и Среднего Востока в результате так называемой «арабской весны», показывают, что это вполне возможно. Эти процессы происходили в условиях беспрецедентной деструкции социально-экономической базы этих пространств.

Принципиальным методологическим вопросом становится то, насколько актуальными будут ранее выработанные методики оценок социальных изменений и социального развития. В центр выходит проблема *наиболее очевидных сфер локализации трансформаций и визуализации этих трансформаций в социальных и социокультурных институтах и артефактах*.

От ответа на этот методологический вопрос зависит ответ на главный содержательный вопрос: *какие факторы будут превалировать при формировании того, что можно было бы назвать «новая социальность»*, то есть набора базовых институционализируемых принципов, формирующих границы развития и наиболее желательный вектор развития моделей социального поведения в период и первое время после завершения наиболее турбулентного этапа глобальных трансформаций?

Гипотеза

Базовой гипотезой, сформулированной авторами, является следующее предположение.

⁴ Исключительно ценными представляются возражения М. Манна Э. Валлерстайну [Манн 2017: 113–155], в особенности в том, что касается изменения моделей экономического лидерства, на деле являющихся трансформацией модели выстраивания системы социально-экономических отношений, а значит, можно допустить известную неравномерность развития различных составных частей. М. Манн акцентирует только вопросы экономического лидерства, но в нынешних условиях кризиса глобализационной модели развития как таковой значение «смежных» с экономикой аспектов лидерства (информационных технологий, широты и гибкости политического инструментария и т. п.) будет закономерно увеличиваться.

В условиях экономического кризиса, сопровождающегося деструкцией ключевых социальных институтов постиндустриального и предпостиндустриального общества, обостренной социально-политическими и психологическими последствиями пандемии коронавируса, социальные и социокультурные процессы приобретают большую значимость, поскольку в опережающем режиме отражают новые формирующиеся поведенческие парадигмы, способные стать основой социально-экономических моделей, а затем и систем.

Такому развитию ситуации способствует усиление, с одной стороны, интегрированности в развитии информационного общества и социокультурных отношений, а с другой – вероятно, еще большее усиление контекстности развития социокультурных отношений, расширение их зависимости от социальных аспектов развития, гендерных, религиозных и иных трансформаций. Но это одновременно означает, что *сфера социокультурных отношений становится наиболее быстрым «зеркалом» новых тенденций в развитии постглобальных социальных процессов*, хотя, безусловно, уровень авторских флуктуаций в данном случае весьма существенен.

Социокультурная среда: трансформация тенденций

Развивая высказанные выше предположения, можно сказать, что главным индикатором социокультурных трансформаций будет возникновение в «видимой» части социального поля неких новых социальных институтов, отражающих новые системные связи, новые отношения и новые запросы в области коммуникаций, в частности, новые эстетические и эмоциональные требования. Это выводит нас за рамки классической методологии социологии и антропологии, но дает возможность оценивать траектории изменений социального пространства по целому ряду внешних и относительно легко интерпретируемых индикаторов. Главная проблема такого механизма заключается в наличии целого ряда социальных «развилочек», реализация которых не может быть просчитываема только на основании внутренних свойств системы, поскольку принципиально важным становится внешний контекст, не социальные и не социально-экономические факторы развития. Но сфера культуры и связанные с ней социальные связи (например, связи с ответственностью, реклама, социальный перформанс, социально-политическая визуализация) *становятся наиболее безопасными сферами для апробации не только новых социокультурных паттернов, но и идеологических идентификаторов.*

Фактором, определяющим роль и место социокультурной сферы в современном мире в условиях среднесрочного разрыва с доковидными моделями социального поведения, является то, что социокультурные отношения и соответствующие системы (в частности, межкультурные коммуникации) остаются сферой развития, где пространственность перспективного мира проявилась в наименьшей степени, в особенности по сравнению с политикой, развитием технологий, логистикой и даже рядом отраслей промышленности, где элементы постпространственности (неограниченное «разделение труда») подвергаются глубокой ревизии. *Это предопределяет остроту и системный характер противоречий, неизбежно нарастающих вокруг сферы социокультурных отношений.* Вероятно, в первую очередь подобные противоречия будут обостряться в основании социокультурной сферы: между экономически мотивированными потребителями социокультурных про-

цессов и артефактов, все более привязываемыми к страновому или региональному (превращенному цивилизационному) базису, и сохраняющей постпространственный (а на деле – космополитический) характер, порождающей в информационном пространстве соответствующие паттерны поведения социокультурной сферой [Бек 2008]. Противоречие между нарастающим пространственным социально-экономическим, а как следствие, социальным базисом и постпространственными социокультурными отношениями является антагонистическим, поскольку подразумевает необходимость демонтажа у сферы социокультурных коммуникаций социально формирующих функций.

Реализация такого противоречия будет неизбежно сопровождаться асимметриями в локальных проявлениях и возникновением пространств (регионов или более ограниченных пространств) активного разнонаправленного взаимодействия (диффузии и противоборства) постпространственного и неопространственного в социокультурной сфере. Это обостряет вопрос о носителях соответствующих культурных паттернов и их роли в формирующихся постглобальных обществах⁵. Наиболее серьезным риском в зонах подобных асимметрий является нарастание культурной архаики, в условиях деинституционализации социального пространства постмодерна быстро перерастающей в социальную.

Результатом исследования становится *констатация критического значения конкретного пространства как точки локализации социокультурных тенденций*, преломляемых в социальных процессах и моделях поведения и культурных артефактах, находящихся в специфических взаимосвязях с исторически сформированным социокультурным пространством (это может быть как конфликт или «капсулирование» в определенной социальной среде, так и интеграция). Фактор пространства становится определяющим, что выводит на первый план вопрос о носителях социокультурных идентичностей. Это само по себе является определенным отрицанием многих базовых постулатов глобализации.

Новая модель социокультурных отношений может быть локализована в следующих частично или полностью институционализированных феноменах:

- Новые формы организации и самоорганизации общества. Восстановление в той или иной форме видоизмененной системы «городских племен», формирование на их базе новой социокоммуникационной гибридности в нетипичных местах и с опорой на новые социальные группы. Архитектура пространства в формате пространственной конкуренции «городских племен» в своем изначальном виде отражала кризис города как индустриального пространства и соответствующей системы организации его структуры (если быть точнее, классово-пространственного принципа структурирования). Естественно, что социальная атомизация и виртуализация социальной жизни практически не оставляли места для подобно-

⁵ Носитель социокультурной модели постпространственности понятен. Им в постглобальном мире будут остатки «яппи-интернационала» [Бергер 2004: 19], то есть социально-экономически мотивированные космополиты. Но в отношении того, кто может стать носителем социокультурной неопространственности, существуют большие вопросы. В частности, носителями неопространственности в социокультурных отношениях могут быть и представители социальной и социально-экономической архаики, в современных социокоммуникационных условиях приближающихся к антисистемам прошлого. В частности, возможность этого была продемонстрирована антиковидным движением.

го принципа социальной организации. «Городские племена» остались в качестве архаической формы городской организации, утрачивавшей актуальность по мере утраты городами индустриального содержания и перерастания городов как центров индустриализма в том или ином формате в мегаполисы, ставшие центрами развития постиндустриализма и социокультурного постмодерна [Чумаков 2017: 85], где форматы социального поведения, а не производственно обусловленные связи стали основой социального структурирования. В новых условиях не исключено возникновение некоего аналога «городских племен», как минимум по форме, но, возможно, и по содержанию, которое может быть сформировано на основе «новой социальности».

- Новые модели социального (группового) и личного потребления, отражающие новый уровень кастомизации потребления, а также возникновение гибридных форматов потребления, сочетающих «коммуникационное» и реальное потребление. Резкий рост востребованности онлайн-методов социального взаимодействия в период пандемии создает для возникновения подобных форматов условия, близкие к идеальным. Подобные модели потребления уже сейчас формируются в торговле и образовании, но они в настоящее время не являются гибридными, поскольку предполагают существенное доминирование офлайн-сегмента. К тому же офлайн-потребление услуг пока считается потреблением более низкого статуса, своего рода «потреблением для бедных». В любом случае мы, вероятно, столкнемся с дальнейшей стратификацией потребления, происходящей в более жестких, нежели раньше, формах, отражающих нарастание неравномерностей социального развития и архаизацию социального поведения в значимых не только пространственных сегментах общества [Longeway 1990]. Сфера «потребления ощущений» (потребление эмоций) может оказаться важнейшим связующим звеном между расходящимися все дальше моделями потребительского поведения.

- В условиях сохранения значительной части системной базы глобализации, прежде всего связанной с глобальными финансами и информационным пространством, возможно сохранение и даже усиление значимости транснациональных анклавов («факторий»), сохраняющих доминирование позднеглобальных социокультурных парадигм. Такого рода анклавами потенциально могут стать ряд стран в Юго-Восточной Азии (Сингапур, «Большой Шанхай»), в Средиземноморье, возможно, в Северной Америке.

- Новая эстетика как средство замещения вакуума, возникающего вследствие кризиса «эстетики избыточного насилия» [Родькин 2016], вероятно, трансформировавшейся в социально-политическую практику в ходе социально-расовых волнений в США в мае-июне 2020 г. Маловероятно, чтобы доминирующая в настоящий момент эстетика «социального карнавала» смогла создать некие долгосрочные культурно-эстетические феномены или социально-визуализационные модели. Но, с одной стороны, «социальный карнавал» с элементами прямого насилия является прямым продолжением принципа социальной многоличности, характерного для системы интегрированных коммуникаций, но трансформированной в сферу социального действия. А с другой – «карнавал» начинает обрести вполне характерными для социальной системы ритуалами и атрибутами, хотя и заим-

ствованными стилистически из предыдущих исторических эпох. Вопрос заключается в резком нарастании запроса на новую эстетику на фоне отсутствия экономической базы для легкого определения ее флагманского направления [Aesthetics... 2021].

• Новые идеологические конструкты, выходящие за рамки традиционных идеологических (включая и религиозные) систем. Современный мир движется не в сторону постидеологического и пострелигиозного общества, но в сторону возникновения серьезного вакуума идей на бытовом уровне и уровне малых групп, заполняемого на уровне более сложном, нежели идея «глобализации толерантности» и догоняющего стандартизированного потребления идеологических конструктов. Появление подобных идеологических конструктов и их характер (в частности, насколько они будут отражать модернизационные, а насколько – архаизирующие парадигмы) станут важнейшими индикаторами вектора трансформаций. *С высокой долей вероятности можно говорить о том, что подобные модели будут иметь регионализированный характер и отражать особенности «вмещающего» пространства.* Возникающий мир, вероятнее всего, будет постглобальным, в том числе и в смысле утраты возможности к трансляции в полной мере глобальных идеологических (а с ними и социокультурных) парадигм.

Заключение

Сфера социокультурных коммуникаций в эпоху поздней глобализации играла роль фокусной сферы для проявления как социальных, так и экономических и политических тенденций, в ряде случаев выполняя функцию инструмента обкатки в доступном для большей части обществ постиндустриальных стран формате сложных в содержательном плане вопросов политического и социально-экономического развития.

Это создавало эффект формирования запроса на соответствующие «площадки манифестации» этих новых смыслов, стимулируя востребованность соответствующих социальных форматов помимо информационного общества и формируя новые. Пандемические ограничения 2020–2021 гг. существенно трансформировали эту тенденцию, поскольку потребовали быстрого ответа на вызовы социального характера, зачастую лежащие вне мейнстрима поздней глобализации. И, как результат, резко усилили значение факторов медиатизации социокультурных процессов и артефактов, а с учетом характера современного коммуникационного пространства – и визуализации. Фактически *нынешняя сфера социокультурных отношений – мир абсолютизированного визуального*, где визуальная форма во многом затенила значение контента как такового.

Но будет ли выход системы глобальной экономики из состояния «предкризиса» («спазма накоплений», если разделять точку зрения Дэвида Харви, в рамках неомарксистского подхода рассматривавшего постмодерн как отражение изменившегося экономического и технологического базиса) даже в относительно мягкой форме (локального финансового кризиса без полного обрушения системы инвестиционного капитализма) означать восстановление прежней модели развития социокультурных отношений, построенной на приоритете персонального потребления в социальности? Или же мы будем наблюдать на фазе преодоления «спазма» институционализацию разновекторности социокультурного развития,

способного стать инструментом разрушения социального универсализма времен глобализации?

Социокультурные трансформации вряд ли станут базовым элементом постглобального мира. Это место займет формирование геоэкономических макрорегионов через механизмы «силовой геоэкономики». Но социокультурные отношения будут наиболее видимым элементом постглобального мира: в силу особенностей современных коммуникаций они будут реализовываться в относительно простых формах с приоритетом «охвата». Это делает узлы социокультурных противоречий привлекательными для эксплуатации со стороны политических сил любого типа (включая и негосударственные структуры) в качестве объекта для социокультурных, а по сути, информационно-политических манипуляций.

Особенность нынешнего кризиса глобализации в том, что при определенных условиях, особенно при продолжении ослабления национальных государств, но при сохранении вектора перехода к пространственному миру может сложиться уникальная по сути ситуация, когда вектор глобальных цивилизационных трансформаций может начать определяться по индикаторам, относящимся не к сфере экономики и даже не к сфере социально-экономического развития (возникновение «авангардных» социальных и классовых групп), а к сфере социокультурного развития, быстрее всего реагирующей на трансформации контекста и технологий. Но важно и то, что в основе новых тенденций глобального развития могут лежать многие тенденции, сформировавшиеся в период глобализации и видоизмененные в результате изменения контекста их развития.

Литература

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации / П. Бергер, С. Хантингтон // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М. : Аспект-пресс, 2004.

Болдуин Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. М. : Дело, 2018.

Вайсман Дж. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М. : Дело, 2019.

Валлерстайн И. После либерализма. 2-е изд. М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2018.

Голубинская А. В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2017. № 1(21). URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/776781/?utm_source=automail&utm_medium=email&utm_campaign=articles_subscribe (дата обращения: 23.04.2021).

Евстафьев Д. Г. Социокоммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества [Электронный ресурс] : Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. № 3(4). С. 140–158. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/9896> (дата обращения: 27.04.2021).

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017.

Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.

Проханова А., Глазьева С., Делягин М., Малинецкий Г., Нагорный А., Овчинский В. и др. Крах однополярного мира: сб. статей. М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2019.

Прошай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020.

Родькин П. Реалити-шок. Лот репрезентации потребления к репрезентации войны. Критический очерк. М. : Совпадение, 2016.

Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014.

Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М. : АСТ, 2017.

Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М. : ИД ВШЭ, 2021.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

Aesthetics of Gentrification: Seductive Spaces and Exclusive Communities in the Neoliberal City / ed. by Ch. Lindner, G. F. Sandoval. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021.

Curran S. R. Global Perspectives on Social Institutions, Organizations, and Relations: Beyond Universalisms and Internationalisms // Global Perspectives. 2020. Vol. 1(1): 13410.

Delanty G. Pandemics, Politics, and Society: Critical Perspectives on the COVID-19 Crisis. De Gruyter, 2021.

Galloway S. Post Corona: From Crisis to Opportunity. New York : Portfolio, 2020.

Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. New York : Routledge, 2003.

Haass R. How a World Order Ends And What Comes in its Wake [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2019. January/February. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>.

Longeway J. L. The Rationality of Escapism and Self-Deception [Электронный ресурс] : Behavior and Philosophy. 1990. Vol. 18. No. 2. Pp. 1–20 URL: <https://www.jstor.org/stable/27759220?seq=1>.

Schuerkens U. Social Changes in a Global World. London : SAGE Publications Ltd, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.4135/9781529714593>.

Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset. Cologny; Geneva : Forum Publishing, 2020.

Shaw M. Global Society and International Relations: Sociological Concepts and Political Perspectives. 1st ed. Cambridge : Polity Press, 1994.

References

Beck U. Kosmopoliticheskoe mirovozzreniye [Cosmopolitan World View]. Moscow : Centre for Post-Industrial Researches, 2008.

Berger P. Vvedeniye. Kul'turnaya dinamika globalizatsii [Introduction. Cultural Dynamics of Globalization] / P. Berger, S. Huntington // *Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoye raznoobraziye v sovremennom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World]. Moscow : Aspekt-press, 2004.

Baldwin R. Velikaya konvergentsiya. Informatsionnyye tekhnologii i novaya globalizatsiya. [The Great Convergence. Information Technology and the New Globalization]. Moscow : Delo, 2018.

Wajcman J. Uskoreniye zhizni pri tsifrovom kapitalizme. [Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism]. Moscow : Delo, 2019.

Wallerstein E. Posle liberalizma [After Liberalism]. 2nd ed. Moscow : URSS, LENAND, 2018.

Golubinskaya A. V. Diversifikatsiya i unifikatsiya kul'tur v global'nom veb-prostranstve [Diversification and Unification of Cultures in the Global Web Space] // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 1(21). URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/776781/?utm_source=automail&utm_medium=email&utm_campaign=articles_subscribe (accessed: 23.04.2021).

Yevstaf'ev D. G. Sotsiokommunikatsionnaya gibridnost' kak svoystvo sovremennogo informatsionnogo obshchestva [Socio-communication Hybridity as a Feature of the Modern Information Society] // *Kommunikatsii. Media. Dizayn*. 2019. No. 3(4). Pp. 140–158. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/9896> (accessed: 27.04.2021).

Mann M. Konets, mozhet, i blizok, tol'ko dlya kogo? [The End May be Near, but for Whom?] // *Yest' li budushcheye u kapitalizma? [Does Capitalism Have a Future?]* Collection of works. Moscow : Gaydar Institute Publishing House, 2017.

Mair P. Upravlyaya pustotoy: razmyvaniye zapadnoy demokratii [Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy]. Moscow : Gaydar Institute Publishing House, 2019.

Prokhanova A., Glaz'yeva S., Delyagin M., Malinetskiy G., Nagornyy A., Ovchinskiy V. *et al.* Krakh odnopolyarnogo mira. [The Collapse of the Unipolar World]: Collection of articles. Moscow : Izborskiy klub, Knizhnyy mir, 2019.

Proshchay, COVID? [Goodbye, COVID?] / ed. by K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovoy, D. Kralechkina, P. Safronova. Moscow : Gaydar Institute Publishing House, 2020.

Rod'kin P. Realiti-shok. Lot reprezentatsii potrebleniya k reprezentatsii voyny. Kriticheskii ocherk [Reality Shock. Lot of Representation of Consumption to Representation of War. Critical Essay] Moscow : Sovpadeniye, 2016.

Spence M. Sleduyushchaya konvergentsiya.: budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh [The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World]. Moscow : Gaydar Institute Publishing House, 2013.

Standing G. Prekariat: novyy opasnyy klass [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow : Ad Marginem, 2014.

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow : Praxis, 2012.

Fukuyama F. Ugasaniye gosudarstvennogo poryadka [Political Order and Political Decay]. Moscow : AST, 2017.

Harvey D. Sostoyaniye postmoderna. Issledovaniye istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change]. M. : HSE Publishing House, 2021.

Chumakov A. N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira [Globalization. The Contours of the Whole World.], 3rd ed. Moscow : Prospekt, 2017.

Aesthetics of Gentrification: Seductive Spaces and Exclusive Communities in the Neoliberal City / ed. by Ch. Lindner, G. F. Sandoval. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021.

Curran S. R. Global Perspectives on Social Institutions, Organizations, and Relations: Beyond Universalisms and Internationalisms // *Global Perspectives*. 2020. Vol. 1(1): 13410.

Delanty G. *Pandemics, Politics, and Society: Critical Perspectives on the Covid-19 Crisis*. De Gruyter, 2021.

Galloway S. *Post Corona: From Crisis to Opportunity*. New York : Portfolio, 2020.

Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. New York : Routledge, 2003.

Haass R. How a World Order Ends And What Comes in Its Wake // *Foreign Affairs*. 2019. January/February. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>.

Longeway J. L. The Rationality of Escapism and Self-Deception // *Behavior and Philosophy*. 1990. Vol. 18. No. 2. Pp. 1–20. URL: <https://www.jstor.org/stable/27759220?seq=1>.

Shaw M. *Global Society and International Relations: Sociological Concepts and Political Perspectives*. 1st ed. Cambridge : Polity Press, 1994.

Schuerkens U. *Social Changes in a Global World*. London : SAGE Publications Ltd, 2017. URL: <https://www.doi.org/10.4135/9781529714593>.

Schwab K., Malleret Th. *COVID-19: The Great Reset*. Cologny; Geneva : Forum Publishing, 2020.